

Мирей Матье

Клубный гид (франк. к. Ком. правде). — 1997. — 7 март.

скоро приедет в Москву!

Три концерта французской певицы пройдут в России в начале июня. Нашему корреспонденту удалось встретиться с Мирей в Париже, и он обнаружил, что она все такая же, как десять, пятнадцать, двадцать лет назад...

Мирей Матье на сцене Большого театра в один из прошлых своих приездов...

ФОТО ИТАР-ТАСС

— Где вы были все это время? В 95-м году вы мелькнули, отпраздновав тридцатилетие творческой карьеры, и все...

— Я просто редко бываю дома, во Франции, все время на гастролях. И поэтому на телеэкране мелькаю нечасто. Сейчас я собираюсь в Италию, потом — к вам, в Россию. До этого была в Америке, в Мексике, в Китае.

Во Франции к тому же мало телепередач, посвященных именно французской песне, поэтому меня и не видно.

— Кстати, вас ведь открыли именно благодаря телепрограмме «Игра в удачу» в 65-м году. С тех пор на всю жизнь вашим продюсером стал Джонни Старк. Говорят, он был очень сложным, даже авторитарным человеком.

— Джонни любил совершенство. То, что произошло со мной, — сказка про добрую фею. Я ведь родилась в огромной семье, где было четырнадцать детей — семь мальчиков и семь девочек. Папа был камнетесом, денег никогда не было. С тринадцати лет я работала на заводе, приносила в дом деньги и пела в церковном хоре.

И мэрия нашего города Авиньона оплатила мне тогда билет в Париж на эту передачу.

Мне тогда было семнадцать лет. И, конечно, когда я встретила Старка, мне надо было научиться всему: как держаться, как одеваться, как говорить.

Джони сразу сказал мне: «Мадмуазель, вы хотите работать? Предупреждаю вас сразу, что легко не будет». Естественно, я согласилась, но не представляла себе, что это будет так трудно. Он был очень требовательным. Он никогда не говорил «Очень хорошо». В лучшем случае — просто «Хорошо». И он ввел железную дисциплину. Я, например, не могла загорать, потому что солнце плохо влияет на голосовые связки. А их надо было постоянно тренировать, как спортсмены накачивают мышцы или как танцоры доводят свои движения до автоматизма. И Джонни внимательно следил за этим.

— Почему вы не замужем, хотя несколько раз даже объявлялось о дне предстоящей свадьбы?

— Я за этими объявлениями не слежу. Есть издания, которые специализируются на том, чтобы женить и разводить знаменитых людей. Я не в курсе своих предстоящих браков.

— И тем не менее у вас нет детей.

Это что — жертва, которую вы принесли своей карьере?

— Нет, я ничем не жертвовала. Это мой выбор. Слава Богу, я занимаюсь делом, которое люблю. Мне нравилось работать на заводе, потому что я не слала деньги в семью, но я эту работу не любила. Теперь у меня любимое дело.

В моей жизни есть две главные вещи: пение и моя семья — моя мама, братья и сестры.

— Во времена СССР вы были редкой западной певицей, которую у нас разрешили слушать. Вы были у нас с концертами, а в магазинах продавались ваши пластинки. Вам это приносило какие-нибудь деньги?

— Нет, что вы! Я заработала радость от того, как меня принимали. И я надеюсь, что люди, которые покупали тогда мои пластинки (я знаю, что они стоили недешево), тоже получили удовольствие от моих песен. Не знаю, может, мне тогда хотелось, чтобы меня узнали... Во всяком случае, я ездила в СССР не за деньгами.

— А в ту пору у вас не возникало проблем оттого, что вы едете петь для коммунистов, за «железным занавесом»?

(Окончание на 3 стр.)

Мирей Матье скоро приедет в Москву

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Нет, особых проблем не возникало. А принимали меня всегда во всех коммунистических странах на каких-то привилегированных условиях. Единственная страна, где все немного по-другому, — Китай. Там, как мне показалось, любят все французское, и поэтому, например, на встречах с министрами, куда меня часто приглашали, они расспрашивали меня о высокоскоростных магистралях и прочих достижениях моей страны.

— Вы поете на девяти языках. Наверное, и в этот приезд что-то исполните по-русски?

— Конечно. Обязательно «Подмосковные вечера», а вторая песня пусть останется сюрпризом.

— Если в московской парикмахерской женщина скажет: «Подстригите под Матье», — всем все будет понятно. Вы не хотите сменить имидж, например, ту же прическу?

— Я пробовала. Здесь есть передача, в которой артистам предлагают перевоплотиться. Я там дала себе волю: была то блондинкой, то кудрявой, то даже негритянкой. Но все это хорошо для телевизионного шоу. В жизни же все иначе.

Мои близкие после той передачи сказали: «Мирей, не меняйся ни в коем случае. Мы любим тебя такой». Главное, я получила массу писем от поклонников с той же просьбой. А это очень важно.

— У вас есть друзья среди знаменитостей?

— Нет. И я редко появляюсь на светских мероприятиях. У нас во Франции сейчас столько лицемерия — не то что раньше.

— Пишут, что вы живете обособленно, избегаете общения. Почему?

А сколько цветов подарят Мирей в Москве?

ФОТО ИТАР-ТАСС

— Нет, это не совсем так. Я хожу к друзьям, хотя в нашей работе друзей особо не наживешь — их можно пересчитать по пальцам. Моя сестра и мой визажист Франки ходят в магазины за покупками для меня. Хотя иногда и я хожу по магазинам.

— С вами ходит телохранитель?

— Франки — мой... скорее, ангел-хранитель.

— Вы часто говорили о том, что настойчивы в жизни, потому что ваш знак зодиака — Рак. Верите в астрологию?

— Я верю, когда мне предсказывают, что все будет хорошо. Если плохо — не верю. Как и все женщины, я листаю журналы и задерживаюсь на страничке с гороскопом.

Рак в принципе лунный символ, очень чувствительный, раздражительный, мечтательный. Нет, в астрологию я не верю. Я верю в Бога. Вера очень нужна.

— Вы не думали о карьере оперной певицы?

— Нет, хотя детство прошло под знаком оперы. У папы был прекрасный тенор. И я училась у Жанин Райс, которая работала только с оперными певцами — с Паваротти, Ромонди, Бергансой и Каллас. У нее я, например, отбываю «Кармен», но только для собственного удовольствия.

— Вы как-то сказали, что вы — экспортный французский продукт, как вино бордо или здешние духи. Что это значит?

— Я такое сказала? Ну, если меня можно сравнить с бордо «Шато Петрюс», то тогда я согласна. Просто быть известной — значит петь для всех. Я не хочу быть нескромной, но считаю, что смогла познакомить многие страны с французской песней.

Максим ЧИКИН.
(Наш соб. корр.)

Париж.